

0349

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN®

Никки Логан

КЛЯТВА У ОЗЕРА

Погри себе мерту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Никки Логан
Клятва у озера
Серия «Любовный роман
– Harlequin», книга 349

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6089035

Клятва у озера: Центрполиграф; Москва; 2013

ISBN 978-5-227-04516-4

Аннотация

В двадцать первом веке возможно многое, даже непорочное зачатие. Бел Рочестер собирается выносить и родить детей своей погибшей сестры. Но опекуном племянников хочет стать и Флинн Брэдли. Удастся ли им решить неразрешимую проблему? Может, поделить детей? Или полюбить друг друга?..

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Никки Логан

Клятва у озера

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Лондон, Англия

Двери клиники распахнулись перед Бел Рочестер. Она вытерла вспотевшую от волнения руку о джинсы. Другой рукой девушка прижимала к себе небольшую дорожную сумку, словно это был ее спасательный круг. Ей никогда не случалось проходить через подобное: больницу она покинет будущей матерью-одиночкой.

Беременной детьми собственной сестры.

Слава богу, все произошло очень быстро – всего шесть часов назад ей позвонили из клиники и сообщили положительные результаты анализов на совместимость, и вот она уже готова к процедуре. Из-за сумасшедшей спешки у Бел не было времени волноваться. Или передумать. В любом случае она не принадлежала к тем женщинам, которые способны менять решения на ходу. К тому же Бел долго шла к этому ответственному шагу.

Она терпеливо ждала, когда администратор наконец освободится, задумчиво глядя на длинный коридор, тот самый, куда заходила несколько недель назад. Именно там ей провели первый сеанс гормональной терапии. Интересно, в какой из двенадцати лабораторий находятся эмбрионы Гвен и Дрю?

Ее племянники.

Ее будущие дети.

– Прости, милая? Чем могу помочь? – обратилась к ней администратор.

– Я – Белинда Рочестер. – Девушка улыбнулась, выкладывая на стойку необходимые документы. – Сегодня мне назначена подсадка эмбрионов.

Администратор что-то проверила в компьютере, затем взглянула на документы и спросила:

– У доктора Кабаналло? Отделение искусственного оплодотворения?

Как бы глупо это ни казалось, слово «оплодотворение» заставило Бел покраснеть, хотя то, что ей предстояло, никакого отношения к сексу не имело. Гормональная терапия, имплантация, вынашивание... Очень далеко от романтики.

Впрочем, ей и сравнивать-то не с чем.

Она прокашлялась и кивнула:

– Все верно.

Администратор обратила внимание на то, что Белодна, и поинтересовалась:

– А с тобой никто не пришел, дорогуша? Для поддержки?

Неужели ей это потребуется? Бел не задумывалась над подобным вопросом. Она привыкла все делать сама. Конечно, Гвен обязательно пришла бы вместе с ней, но сестра погибла два года назад, что и стало основной причиной появления Бел в клинике. Гвен и ее муж, Дрю, утонули при крушении парома, путешествуя по Юго-Восточной Азии. Они не

оставили никаких распоряжений относительно замороженных эмбрионов, хранящихся в лаборатории. Такие эмбрионы, как правило, предназначались для проведения операций бесплодным женщинам, давно стоящим в очереди, но Бел дошла до Верховного суда, чтобы получить право на вынашивание детей Гвен и Дрю.

Это стоило ей бессонных ночей, стоило уймы потраченных денег, доставшихся в наследство от бабушки. Кроме того, деньги подтверждали ее способность содержать детей. Бел была готова сражаться до последнего вздоха за то, чтобы племянники остались с ней.

Ведь они принадлежали семье Рочестер.

Бел гордо вздернула подбородок и попыталась улыбнуться:

– Я буду одна.

Именно поэтому ее документы проверяли так кропотливо. Ей пришлось доказывать трем разным судьям, что она не только главный претендент на детей сестры, но имеет возможность достойно их обеспечить. Хотя нигде и никогда не работала. Хотя по ряду причин не общалась с собственными родителями. Хотя не была замужем.

Была ли у нее поддержка? Абсолютно никакой.

Но Бел поклялась, что эмбрионы Гвен и Дрю не попадут к чужим людям. Или в печь.

– Заполните эти бумаги, пожалуйста.

Администратор передала ей документ, прикрепленный к

папке, и сразу начала разговор со следующим клиентом.

Бел инстинктивно повернулась к дверям, почувствовав поток холодного лондонского воздуха, насыщенного неожиданным ароматом свежей земли. В холл вошел широкоплечий стройный мужчина. Он направился в их сторону, проводя рукой по намокшим темным волосам. Его потертые тяжелые ботинки противно скрипели. Он был одет в ковбойском стиле, не хватало только шляпы.

Иногда в Лондоне попадаются подобные чудачки.

Взгляд Бел пробежал по его длинным ногам, обтянутым джинсами, и остановился на ботинках. Обувь давно пора было выбросить, но, видимо, ботинки были дороги владельцу. Знакомый аромат заставил ее задрожать.

Просторы... На природе Бел любила бывать больше всего на свете.

Правда, теперь ей нечасто придется покидать собственную квартиру. Еще одна жертва, на которую она пошла добровольно.

Когда глаза мужчины и девушки встретились, Бел поспешила вернуться к документам, а он заговорил с администратором:

– Меня ожидает Рассел Ивс.

У Бел зашевелились волосы на макушке, ей стало больно дышать.

Мужчина говорил с австралийским акцентом.

Два года – с тех пор, как они потеряли Дрю, – Бел не слы-

шала подобного акцента. И именно сегодня... Она заморгала, пытаясь удержать нахлынувшие на глаза слезы.

– Юридический отдел? – непроизвольно вырвалось у нее.

Бел почувствовала, как он сверлит ее взглядом, и была вынуждена посмотреть на него. У мужчины оказались красивые глаза – небесно-голубые, бездонные, обрамленные густыми ресницами, которые могли вполне сравниться с ее собственными. Однако глаза его казались безжизненными.

– А вам какое дело? – Его голос был так же лишен эмоций, как взгляд.

Бел постаралась улыбнуться как можно дружелюбнее:

– Совсем никакого. Прошу вас, продолжайте разговор.

Он не удостоил ее ответом.

Боже, а ведь он похож на Дрю – тот же разрез глаз, те же густые брови. Может, все австралийские мужчины выглядят одинаково? Однако высокомерие не было свойственно мужу сестры, очарование которого заставило Гвен потерять голову от любви с первого взгляда. Незнакомец вопросительно приподнял бровь... Знакомая до боли мимика Дрю.

Бел попыталась сосредоточиться на цели своего визита в клинику. Сегодня у нее нет времени разбираться с эгоистичными иностранцами. Ее немного разозлило, что пришлось уступить ему место у стола администратора. Она нарочито медленно скрепила бумаги между собой, затем отошла от стойки и направилась в уютную зону ожидания, где села на диван, чтобы закончить с документами.

Бел пыталась найти разумное оправдание его плохим манерам. Возможно, здесь лежит его умирающая жена. Возможно, он сам смертельно болен. Она издали изучала незнакомца. Мускулистый, сильный, с отличной осанкой. Потрясающе смотрится в джинсах. Нет, такое тело не может быть больным. И когда он снова провел рукой по все еще влажным волосам, Бел отметила, что жены у него нет.

Значит, грубиян.

Она погладила свой пока еще плоский живот. Через пару часов в нем поселятся две жизни, у которых будет набор хромосом Дрю и Гвен, но которые станут ее детьми. Рочестерами.

Сердце Бел забилося часто-часто. Она ничего не знала о материнстве. Но других вариантов не существовало. Конечно, от эмбрионов можно было избавиться, отдав их другим женщинам или навсегда оставив замороженными. Но сама Бел была изгоем в собственной семье и твердо намеревалась добиться того, чтобы никто из Рочестеров не чувствовал себя нежеланным родственником.

Она шумно вздохнула, заставив администратора посмотреть в ее сторону. Мистер Грубиян наконец закончил длительные переговоры и теперь стоял, облокотившись о стойку.

Бел демонстративно громко хлопнула папкой с документами прямо около его локтя.

Администратор полностью переключила внимание на нее: – Доктор ждет вас, мисс. Знаете, куда идти?

– Да, спасибо. Хорошего дня, – сказала Бел в надежде преподать урок вежливости мистеру Грубияну.

Администратор встала, чтобы пожать ей руку:

– Удачи.

Бел кивнула, но перед тем, как повернуть в сторону коридора, снова встретилась взглядом с мужчиной. Глаза его смотрели по-прежнему равнодушно, но в них появился новый оттенок.

Ей показалось или она прочла в них сожаление? Неужели он раскаивается? Бел покосилась на его жесткое лицо и засомневалась, затем подняла сумку и решительно направилась к палате.

И только на полпути к цели она вдруг поняла, что совершенно перестала нервничать.

– Уже слишком поздно просить о наркозе? – поинтересовалась Бел, пытаясь сдержать дрожь в голосе.

Она смотрела на батарею пробирок, трубок и длинных-предлинных иглоков, стоящих возле нее, снова и снова пытаясь понять, правильно ли она поступила, отказавшись от наркоза. Судя по всему, все было готово к подсадке, и совсем скоро наступит момент, когда эмбрионы Гвен окажутся внутри ее. Кроме того, врач принял решение проводить операцию через пупок, учитывая ее... статус, и теперь она имела возможность наблюдать за его действиями под местной анестезией.

Сестра положила ужасный с виду шприц на поднос.

– Совсем поздно, – улыбнулся доктор Кабаналло.

– Может, стоило все-таки провести подсадку обычным способом?

Сестра хихикнула, а доктор в ужасе запротестовал:

– И я лишился бы возможности стать свидетелем непорочного зачатия? Шутишь?

Ах да. Шутки о девственницах всегда были в моде. В отличие от доктора Кабаналло, считавшего происходящее чудом, присяжные так и не смогли определиться, какое обстоятельство кажется им самым абсурдным: рождение детей у девственницы или то, что девушка из Челси может к двадцати трем годам оставаться нетронутой.

– Все правильно, – спокойно сказала она. – Я и забыла, какое это имеет для вас значение.

– Конечно, имеет, Бел. Вы читали договор перед тем, как подписывать его?

Несмотря на дружескую иронию, они с Марко Кабаналло прекрасно ладили. Бел побывала в трех репродуктивных центрах перед тем, как попасть к нему.

– Хорошо. – Доктор оторвался от микроскопа, стоящего в другой части палаты. – Приступим к главному...

В коридоре слышались громкие голоса. Медсестра нахмурилась. Видимо, происходило что-то необычное. Голоса не замолкали, более того, они постепенно приближались. Доктор Кабаналло замер. Обе медсестры последовали его

примеру. Заволновалась и Бел.

— Что за черт... — Врач снял перчатки и направился к выходу из операционной, как вдруг в предоперационную палату вошли двое мужчин в деловых костюмах, охранник и недавний знакомый Бел.

Мистер Грубиян.

Когда он увидел Бел на операционном столе, его глаза округлились, а над бровями образовалось такое количество морщин, что лоб незнакомца стал похож на карту пересеченной местности. Бел осмотрела себя, чтобы убедиться, что все важные части тела закрыты, поскольку теперь в палате было полно людей. Кроме небольшого кусочка живота, видного через квадратное отверстие, сделанное в накидке, ничего не было видно. Доктор Кабаналло загораживал проход в операционную, тихо обсуждая что-то с господами в костюмах. Он взглянул сначала на Бел, потом на своих собеседников, затем замотал головой, сопровождая все это эмоциональными жестами, свидетельствующими о его итальянских корнях.

Бел нахмурилась. Незнакомец внимательно наблюдал за ее реакцией. Словно пытался понять что-то важное.

Доктор Кабаналло стянул вниз маску для лица и продолжал мотать головой. Бел пыталась понять по губам, о чем именно он говорит. Дискуссия становилась все более жаркой, затем один из мужчин поднял руку, призывая закончить спор. Австралиец не сводил с нее глаз, но при этом хранил молчание.

Бел повернулась к нему и вопросительно подняла брови. Немного поколебавшись, он достал из кармана какой-то документ, развернул его и прижал к стеклу, чтобы она смогла прочитать, что там написано.

Весь текст издалека прочитать было невозможно, поскольку он был набран мелким шрифтом, но Бел сумела разглядеть заголовок. Она почувствовала, как у нее свело живот, когда увидела слова, набранные крупными буквами: «СУДЕБНЫЙ ЗАПРЕТ».

Ее тело внезапно стало ужасно тяжелым. Затем Бел взглянула на лицо, выглядывающее поверх судебного предписания.

Полное ненависти. И жестокости.

Девушка зарыдала.

Глава 2

Прекрасное лицо Белинды Рочестер скривилось, и из ее глаз хлынули потоки безудержных слез. Флинн Брэдли понял, что победил. Ведь избалованная принцесса привыкла получать все на блюдечке с голубой каемочкой. Как и ее младшая сестра.

Потом она закрыла лицо руками, словно пыталась спрятаться от них всех. Спрятаться от правды. Если только она рыдала не от злости. Нет, ее слезы были совершенно искренними – слезами отчаяния. Так же горько плакала его мать, когда пришло известие о гибели Дрю. Они узнали об этом от правоохранительных органов, а не от великих и могущественных Рочестеров, которые снизошли лишь до того, чтобы прислать им краткое соболезнование.

Казалось, весь медицинский состав клиники собрался, чтобы успокоить младшую сестру Гвен. Один из медиков что-то бормотал о гормонах, которые ей кололи, и о реакции на их действие. Но говорил он это скорее для собственного спокойствия. Наконец она взяла себя в руки. Итальянец метался по палате, постоянно поглядывая на часы. Охранник был готов ко всему. Юристы сохраняли спокойствие и терпеливо ждали конца истерики.

А он...

Флинн едва стоял на ногах, испытывая неимоверное об-

легчение. Он все-таки успел.

Десять тысяч миль по воздуху, три часа бешеной езды на автомобиле – и вот он прибыл к самому началу. Он повел себя неразумно, решив пройтись по окрестному парку, но ему надо было успокоить нервы, почувствовав под ногами привычную землю после хождения по асфальту. Получение судебного запрета стало первой победой Флинна. Он перехватил его по пути из Хитроу у судебного пристава и сразу бросился в клинику, в юридический отдел.

Когда он узнал, что операция по подсадке эмбрионов проходит именно сейчас, его чуть не хватил удар. Юристам пришлось догонять его на пути в операционную.

Флинн снова взглянул на сестру Гвен. Ее огненно-рыжие волосы были подняты наверх, на лице совсем не было косметики. Казалось, ей всего лишь шестнадцать.

– Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

Тонкий голос Белинды Рочестер прекрасно сочетался с ее наружностью. Флинн с удивлением понял, что это та самая девушка из приемной с длинными ногами в высоких замшевых сапогах. Ее вопрос на мгновение выдернул его из состояния потерянности, в котором он пребывал с того самого момента, как начал решать вопрос с получением судебного запрета.

Высокомерный блеск в ее глазах, когда она посмотрела на его запачканные грязью ботинки, должен был сразу выдать в ней представительницу семейства Рочестер.

– Мисс Рочестер. – Один из юристов вышел вперед, чтобы прояснить ей ситуацию. – Для нашей клиники такая операция – неприемлемый риск.

Она повернулась к Флинну:

– Вы подали апелляцию? Но почему? На каком основании?

– На основании того, что моей семье ничего об этом не сообщили, – бросил он.

– Ка... какой семье?

– Семье Брэдли. Семье Дрю.

Девушка прищурила васильковые глаза:

– Но... ведь семья Дрю была оповещена. Они не возражали.

Флинн пожал плечами:

– Письмо было утеряно.

Его замечание разозлило Бел. На лоб упала непослушная прядь огненных волос, которую она откинула назад.

– Ты что, издеваешься? Играешь со мной в игру типа «ничего не видели, ничего не знаем»?

Он снова пожал плечами. Да, они получили письмо, но в одном из почтовых отделений что-то перепутали, решив, что письмо адресовано Дрю, и безутешная мать положила конверт вместе с остальными вещами погибшего сына, избегая каких-либо напоминаний о нем. Только по чистой случайности Флинн обнаружил письмо, когда разбирался в вещах брата месяц назад.

Он чуть не погиб сам, когда мчался на бешеной скорости в Сидней, чтобы оплатить самого лучшего адвоката.

Белинда села. Еще в приемной ее ноги показались Флинну неестественно длинными, теперь он понял, что они просто бесконечны. Ее сестра не была такой высокой.

Девушка взяла себя в руки:

– В любом случае я самая близкая родственница из ныне живущих.

Он фыркнул:

– Это в каком мире?

– Гвен была моей сестрой. Биологически я тетя этих детей.

– А Дрю был моим братом. Поэтому я такой же родственник, как и ты.

– У Дрю не было брата.

Флинн приготовился к атаке:

– Могу показать свидетельство о рождении, которое убедит тебя в обратном.

Она нахмурилась:

– Гвен не стала бы скрывать это.

Неужели Дрю попал под влияние Рочестеров и не рассказывал им о собственной семье? Старые раны начинали болеть все сильнее.

– Факт остается фактом. Мы с Дрю были братьями, и у меня есть доказательство в виде судебного запрета.

Васильковые глаза посмотрели на него со смущением и

страхом.

– Чего ты добиваешься?

– Отмены подсадки.

– Но почему?

– Потому что у тебя нет абсолютного права на эмбрионы.

По закону у нас с тобой равные права.

Бел нахмурилась и сжала виски идеально наманикюренными пальчиками. Все присутствующие молчали.

– Ты хочешь сам воспитывать детей? – спросила она.

– Я хочу, чтобы вопрос об опекунстве был пересмотрен. –

Флинн был твердо уверен: единственное, что осталось от Дрю, не должно покинуть их семью.

– Но... ведь у нас нет времени. – Теперь девушка обращалась к доктору. – Я права, Марко?

Все посмотрели на врача. Сейчас он скажет, что эмбрионы могут остаться в замороженном состоянии, и тогда у брата Дрю будет время и возможность добиться опекунства над близнецами. А у нее отнимут единственный шанс.

– Вы правы. Времени у нас нет, – твердо проговорил доктор Кабаналло.

У Флинна закружилась голова. В чем дело?!

– Операция еще не началась! – воскликнул он.

– Но эмбрионы были к ней подготовлены. Вы не можете разморозить их, а потом заморозить опять, словно это полуфабрикат.

В глазах Белинды вспыхнул огонь.

– Надо срочно подсадить их!

– Да, именно так, – подтвердил врач.

Один из юристов вмешался, резко охладив пыл обоих:

– Операции не будет!

– Но ведь они умрут! – На этот раз в глазах Бел плескался ужас. – Прошу вас! Вы убьете их!

Ужас сковал позвоночник Флинна. Эти частички ДНК были единственным, что осталось от Дрю после того, как затонул паром. Это был подарок судьбы, о котором никто из Брэдли долгое время не знал. Второй шанс. Флинн не мог допустить, чтобы эмбрионы имели отношение к Рочестерам, но позволить им умереть он тоже не мог.

Он повернулся к юристам:

– Что вы предлагаете?

Встрял итальянец:

– Сколько вы видите здесь женщин, готовых к оплодотворению, мистер Брэдли?

Флинн в отчаянии обвел взглядом палату и остановился на одной из ассистирующих доктору медсестер.

Та фыркнула, скрестила руки на груди и выпалила:

– Даже не смотри на меня, солнышко.

Он уставился на представителей клиники:

– Но ведь должно быть какое-то решение. Как еще можно сохранить эмбрионы?..

– Операция должна быть произведена прямо сейчас, – отрезал доктор. – На счету каждая минута. Учитывая то, как

долго Бел добиралась до больницы, времени совсем не осталось.

Сердце Флинна было готово выпрыгнуть из груди. Застарелая обида на Рочестеров вылилась на хрупкую девушку, нервно присевшую на край операционного стола.

– Может, сначала тебе педикюр сделать, принцесса?

Ее губы сжались в тонкую ниточку, а руки нервно сжали больничную накидку. Но она не огрызнулась. Напротив, в ее глазах читалась мольба, а Флинн был уверен, что эта женщина не привыкла о чем-либо просить.

В этот момент власть была в его руках.

Белинда Рочестер была в таком же отчаянии, как и он. А отчаявшиеся люди совершают отчаянные поступки. У Флинна родился план.

– Ни один суд в мире не предоставит мне опекунов над детьми после того, как ты их родишь. – Он посмотрел на юристов. – Так?

Оба выглядели так, словно очень сожалели, что не остались сегодня дома, сославшись на болезнь. Однако кивнули.

– Почти наверняка, – сказал наиболее смелый из них.

– Господин Брэдли, пожалуйста. – Итальянец постучал по наручным часам.

Флинн продолжал в упор смотреть на Белинду:

– Если это так, что заставит тебя не спрятаться от меня?

Она пожала плечами:

– Закон.

- Закон мне никогда не помогал.
- А как же запрет?
- За него мне пришлось сражаться.
- Даю тебе слово.

Смех Флинна больше походил на лай.

- Слово Рочестеров? Бесперспективно.
- И что тогда? Нам надо торопиться.
- Ты поедешь со мной.
- Что? Куда?

– В Австралию. Ко мне домой.

– Ты сошел с ума? Флинн слишком много задолжал своему брату. И своим родителям.

– Тебе нужны эти дети или нет? Ты едешь со мной, или эмбрионы отправятся на помойку.

– О господи! Это шантаж.

– Думай что хочешь, дорогая. Я должен быть уверен, что ты не сбежишь, унеся с собой наше совместное «имущество». Значит, я буду постоянно находиться рядом с тобой. До тех пор, пока они не родятся.

– И что потом? – поинтересовалась Бел, недоуменно разведя руками.

– Потом мыждемся решения суда по поводу предоставления нам равных прав.

– Этого не случится. Ты сам сказал, что суд будет на моей стороне.

Флинн перевел взгляд на юристов и остановился на более

смелом, который не побоялся открыть рот в прошлый раз:

– Каким образом лучше разыграть эту партию в соответствии с законодательством Великобритании?

Вмешалась одна из медсестер:

– Разыграть партию? Это не матч. Мы говорим о жизни двух детей.

Флинн выдержал ее сердитый взгляд и пробормотал:

– Надо было раньше об этом думать. Ну что?

Тот, что был повыше, натужно рассмеялся, хотя, по всей видимости, ему было не до веселья.

– Женитьба – оптимальное решение.

Медсестры ойкнули, а Флинн повернулся к Белинде, раскрывшей рот от изумления. Он лихорадочно пытался сообразить, какие еще варианты у него остаются. Потом пожал плечами. Его жизнь все равно уже превратилась в сплошной хаос и неразбериху.

– Это будет формальный брак, – произнес он, готовый к ее отказу.

– Ты спятил?

– Нет, я в отчаянии. И ты тоже. Тебе нужна подсадка или нет?

– Ты же знаешь, что нужна. Жизнь без этих детей не имеет для меня значения!

Ее глаза были полны решимости, и Флинн неожиданно понял, что из Бел получится прекрасная мать, умеющая защитить своих детей. Эта мысль не показалась ему неприят-

ной.

– Значит, ты готова заплатить любую цену, так?

Никто из присутствующих не осмеливался дышать.

Единственным звуком, прерывающим тишину, было мирное тиканье настенных часов.

– Бел... – Доктор Кабаналло наконец прервал молчание, многозначительно кивнув в сторону пробирок, в которых, по всей видимости, находились эмбрионы.

Она мрачно посмотрела на Флинна:

– Непродолжительный брак. Формальный. Только на бумаге. Если ты подойдешь ко мне слишком близко, я переломаю тебе все кости.

– Полностью согласен.

Чего бы это ему ни стоило. Белинда Рочестер станет суррогатной матерью близнецов его брата, а когда подойдет время, он заберет детей и посадит ее на самолет, вылетающий в Англию.

Бел бросила на него еще один яростный взгляд, затем легла на операционный стол.

Юридическая команда клиники ждала его указаний.

Флинн сделал глубокий болезненный вдох и произнес:

– Начинайте.

Глава 3

Новый Южный Уэльс, Австралия

«Добро пожаловать в Оберон».

Выйдя из машины, Бел сразу съежилась и скрестила руки на груди, пытаясь немного согреться в тонкой рубашке. Во время трехчасовой поездки из Сиднея через горы ее порядком разморило в уютном салоне. Там было гораздо теплее, чем на улице.

Она прислонилась к машине и пробурчала: – Я думала, в Австралии всегда тепло. Флинн лишь вздохнул. Это были первые слова, произнесенные Бел после молчания, продлившегося сутки. Нет, конечно, они не молчали постоянно. Им пришлось обменяться несколькими репликами. Например, он сообщил, что его зовут Флинн, а Бел пришлось пару раз просить его встать со своего кресла в самолете, чтобы пропустить ее в туалет. Ей некого было в этом винить, потому что она сама выбрала место у иллюминатора. Смотреть на бесконечные просторы проще, чем поддерживать светский разговор с женщиной, который фактически похитил ее.

Бел была готова сбежать, когда они оказались в зале ожидания аэропорта. У нее были с собой паспорт, кредитная карта с изрядной суммой денег, чемоданы со всем необходимым, подсаженные эмбрионы и очень веская причина удрать.

Но она дала клятву в то самое утро, когда готовилась к имплантации. Она пообещала покойной сестре, что дети никогда в жизни не столкнутся с тем, через что пришлось пройти ей самой.

— Мы поднялись довольно высоко, — сказал Флинн. — Это Голубые горы. Мы находимся где-то на тысячу сто ярдов выше тех мест, где жарко. Надеюсь, ты захватила теплую одежду.

Бел, не отвечая, оглядывалась.

— А как ты себе это представляла?

Она нахмурилась, удивленная, что мистер Молчаливый соизволил поддержать беседу:

— Название звучало как-то... волшебно.

Оберон. Бел сразу вспомнила пьесы Шекспира и представила себе леса, в которых можно встретить фей. И все же небольшой город в горах не был лишен очарования. Он показался ей типично австралийским. Впрочем, Бел могла судить об Австралии лишь по Сиднею и картинам сельской жизни, которые проносились за окном машины.

— Ты живешь в Обероне? — спросила она.

— Нет. Я живу в десяти километрах отсюда. В местечке, которое называется Баньип-Рич.

— А почему мы здесь остановились?

— Мне показалось, тебе не помешает отдохнуть. И еще нам надо согласовать наши версии.

Бел удивленно посмотрела на него:

– Но у нас было на это двадцать четыре часа.

– Мне казалось, что ты... – Флинн пытался подобрать правильное слово.

Недоступна? Нет, наверное, не так. Большую часть дороги она слушала музыку, звучащую в наушниках, погруженная в чтение электронной книги. Словно была незнакома со своим соседом. Хотя, наверное, с незнакомцем она заговорила бы.

– Не готова к разговору, – закончил он.

К разговору? С мужчиной, который не произнес и пятидесяти слов с тех пор, как выкрутил ей руки в больнице? Бел вдохнула прохладный горный воздух:

– Что ты имеешь в виду, говоря о наших версиях?

Флинн предложил:

– Давай выпьем что-нибудь согревающее. И учти, тебе действительно придется одеваться гораздо теплее.

В его голосе прозвучали уже знакомые ей командные нотки. Неужели он всегда так разговаривает?

– Я одеваюсь сама с четырех лет, Флинн. Не волнуйся, я справлюсь.

Они миновали несколько домов и наконец очутились в кафе.

Флинн заговаривал с прохожими, кивал кому-то, а она ловила на себе любопытные взгляды. Он был довольно популярен среди местных жителей, и это не делало им чести, раз их любимчиком являлся высокомерный грубиян.

Только когда они оказались за столиком и Бел получила свой травяной чай, а Флинн – кофе, он снова заговорил:

– Итак, я хотел бы обозначить несколько основных правил.

Она приподняла брови:

– Правда?

– Есть вещи, о которых моей семье знать пока не надо. Но у них, естественно, возникнут вопросы...

– Ты возвращаешься домой с невестой, беременной детьми их погибшего сына. Наверное, им будет любопытно.

Флинн сжал губы и посмотрел в окно.

– Так они не знают об эмбрионах? – пролепетала Бел.

– Нет. Я – единственный, кто читал письмо.

– Ты серьезно? И как ты собираешься объяснить им... про нас?

– Мы скажем, что отец – я.

– Неужели? И что? Мы встретились во время твоего путешествия в Лондон, быстренько переспали, и ты сразу надел кольцо мне на палец? Отлично сработано, Брэдли!

– Нет. – Флинн был в некотором замешательстве. – Они ни за что не поверят. Они слишком хорошо знают меня. Думаю, мы познакомились в Мельбурне год назад, – начал фантазировать он, – когда ты проводила там отпуск.

– Но я не была в Мельбурне.

– А потом мы случайно встретились в Лондоне. Пару раз сходили на свидание, памятуя о старых добрых временах.

Так все и закрутилось.

Она нахмурилась:

– И ты сделал мне предложение?

– Ну, что еще сказать? Я парень влюбчивый.

– Ого. При этом ты никогда не рассказывал родственникам обо мне, прелестной девушке, которая свела тебя с ума в Мельбурне. Им не покажется это странным?

– Дело в том, что именно год назад у меня был роман в Мельбурне. Просто не с тобой. Но об этом им знать не следует.

Бел нечего было возразить. Значит, у Брэдли может быть подруга. Девушка, которая будет болезненно переживать то, что он привез из Англии беременную невесту. Боже, неужели проблемы только начинаются?

– О нет... А она...

– Она в прошлом, – развеял ее сомнения Флинн.

– Хорошо, пусть будет Мельбурн, – согласилась Бел. – В прошлом году. Место встречи: вечеринка, футбол или паб?

– Надо придумать место, более подходящее для девушки твоего... воспитания. – В его устах это прозвучало как оскорбление. – Кубок Мельбурна. Наверное, скачки наиболее убедительны. Что скажешь?

– Представления не имею. Никогда на них не была.

Флинн прищурился:

– Ты никогда не была на скачках?

– Варварский спорт.

– Но ты родилась в Челси.

Бел пожала плечами:

– И что?

– А поло?

– Поло – более гуманный вид спорта. Но довольно глупый.

– Насколько я понимаю, охота на лис тоже исключается.

Стипл-чез?

Бел как можно выразительнее посмотрела на Флинна:

– Так мы ни к чему не придем. Давай вообще исключим версию, связанную с издевательствами над бедными животными. Ты считаешь, твоя семья настолько наивна, что поверит в такое совпадение? Второй их сын встретил девушку по фамилии Рочестер чисто случайно, да?

Флинн внимательно смотрел на нее:

– Поэтому мы не будем называть твою настоящую фамилию. Как твое второе имя?

– О нет. Только не это.

Он наклонился к ней:

– Почему?

– Потому что оно мне не нравится. Давай лучше что-нибудь придумаем.

– И все же... Какое оно?

– Не твое дело.

Можно было бы соврать, но серьезное выражение его голубых глаз остановило Бел. Он так на нее смотрел...

– Ладно, сдаюсь. Белаква.

– Белинда Белаква...

– Теперь понимаешь?

Он нахмурился:

– Похоже на псевдоним порнозвезды.

– Ну, спасибо большое.

– Хорошо, выбери другое имя.

Бел принялась фантазировать:

– Дэпп?

– Белинда...

Она не была готова к тому, как отреагирует ее тело на то, каким голосом Флинн произнесет ее имя. И здесь нельзя было свалить все на Дрю, потому что тот всегда называл ее Бел. Каким образом столь неприятный тип, как Флинн, умудрился заставить семь букв звучать так красиво?

Бел лукаво улыбнулась:

– Тогда Клуни.

– Белинда Клуни. Должен признать, звучит правдоподобно. Мои родители не слишком часто ходят в кино. Но на всякий случай мы назовем тебя Клуни. Белинда Клуни.

Это случилось опять. Ее сердце забилося часто-часто, отозвавшись на его голос. Некоторое время она колебалась, но затем сказала:

– Честно говоря, ты немного похож на Дрю.

– Совсем нет.

– Одинаковая верхняя часть лица. А еще твоя улыбка. Но хотя у тебя такие же глаза...

И в ту же секунду Бел пожалела, что завела об этом речь. На лице Флинна появилось выражение такой глубокой печали, что она застыла, не смея продолжить.

Он прокашлялся:

– Точнее, у нас у обоих глаза бабушки.

Печаль сменилась добродушием. И он показался ей более человечным.

– А я с ней познакомлюсь?

– Более того, ты будешь жить с ней – по крайней мере, до свадьбы.

Бел не могла поверить:

– Ты спроваживаешь меня к своей бабушке?

Флинн как-то странно посмотрел на нее. Грустно и одновременно сконфуженно.

– Дрю тебе ничего не рассказывал?

– Возможно, его попросила Гвен. Правду мы уже не узнаем. – Бел продолжала помешивать чай, просто для того, чтобы чем-то занять руки.

– Я живу в Баньип-Рич с бабушкой и дедушкой и еще с родителями.

– У вас что-то вроде коммуны? – поинтересовалась девушка.

Флинн засмеялся, и впервые его смех был искренним и лишенным ноток сарказма.

– Это не коммуна. Это семья. А Рич – поместье площадью сто семьдесят акров.

Бел продолжала недоумевать:

– И вы все живете вместе?

В ее семье подобное было недопустимо. Она уехала из дома, когда ей исполнилось семнадцать лет, перебравшись в небольшую квартиру, доставшуюся ей по наследству от бабушки.

– Не совсем, – сказал Флинн. – У меня свой дом на отдельном участке земли. Он был предназначен для нас с Дрю, когда мы повзрослеем. Ты будешь жить с моей семьей.

– Но ведь они для меня совершенно чужие люди! – воскликнула она. – Не считая того, что они являются бабушкой и дедушкой детей, которые родятся. – Бел опустила руку на живот. – Почему я не могу сразу поселиться с тобой?

Он всплеснул руками так, словно она не желала понимать очевидное:

– Потому что мы не женаты.

Бел заморгала:

– Но ведь они скоро поймут, что я беременна. Наверное, они догадаются, что мы спали вместе.

Его глаза снова превратились в кусочки льда.

– Мы допускаем, что ты беременна. Но не поженимся, пока не получим точного подтверждения. Иначе нет смысла.

Флинн был прав. Если она не забеременела, он сразу же отпустит ее. Они это обсуждали. Бел поерзала на стуле:

– Итак, подведем итоги. Я назовусь вымышленным именем. Совру насчет нашего знакомства. Совру, что собираюсь

выйти за тебя замуж. А потом, когда придет окончательное решение суда, я во всем признаюсь твоей семье и позволю им высмеять меня.

Флинн поджал губы:

– Я представлял себе все немного не так. Если помнишь, меня вынудили обстоятельства.

Бел захлебнулась от возмущения:

– Тебя вынудили обстоятельства? Это говоришь ты, человек, который шантажировал меня жизнью двух эмбрионов? Назови мне хотя бы одну вескую причину, по которой мне нельзя рассказать всю правду.

– Потому что моя семья ненавидит твою семью. И ты не дождешься радушного приема.

– Что ты сказал?

– Моя семья не жалуется Рочестеров.

– Хорошо, я им не поправляюсь. Это не беда. Но если я со-
вру, то все равно вызову их ненависть, только немного позже. – Она начала понимать, к чему он клонит, и прищурилась. – Тебе на это наплевать, так?

Флинн задумался. Стоит ли сказать ей правду?

– А в чем проблема? Ты вернешься в Англию, поэтому никакого значения это иметь не будет.

– Почему ты считаешь, что я соглашусь участвовать в этом цирке?

– Потому что ты потеряла свою сестру – так же, как моя мать потеряла своего любимого сына. И известие о том, что

у сына, которого она никогда больше не сможет обнять, появятся дети, разорвет ей сердце.

Бел искренне любила своего зятя, несмотря на тайны, которые хранил Дрю. Он был достоин ее любимой сестры, к тому же принадлежал к тому типу мужчин, о котором она и сама мечтала. Бел не могла не сочувствовать матери, глубоко переживающей смерть такого прекрасного человека.

– Если ты выиграешь дело в суде, что ты собираешься делать? – спросила она.

– Если выиграю, я расскажу родителям правду.

– А если выиграю я?

– Тогда я им ничего не скажу. Мы разведемся, и ты уедешь в Англию.

Бел совсем не знала его и, наверное, не имела права задавать подобные вопросы. И все же она поинтересовалась:

– Почему ты считаешь, что потеря твоих детей доставит родителям меньше огорчения, чем потеря детей Дрю?

– Это дело прошлое... Ты сможешь высылать им снимки со дня рождения детишек. Это больше, чем мы получали в последние годы от Дрю.

Раздался телефонный звонок. Флинн ответил:

– Алло! Да, мы скоро приедем. – Ему задали какой-то вопрос. Он поднял глаза на Бел. – Да, я сказал «мы». Как только приеду, все объясню. Пожалуйста, убедись, что комната для гостей убрана и в ней не валяются рыболовные снасти папы. Спасибо, мам. Я тебя люблю.

Последние слова Флинн пробормотал немного смущенно. И так, этот мужчина любил свою мать. Бел это не очень удивило: она видела, как он яростно боролся за то, чтобы убедить мать от новой боли. Но от этого он не стал для Бел святым.

– Ну что? Мы договорились? – Его глаза снова были безжалостными.

– Договоренность подразумевает согласие обеих сторон. Пока ты диктуешь мне, что именно я должна соврать.

– Я уже согласился с твоими условиями.

– Какими?

– Я не прикаснусь к тебе. Иначе ты меня покалечишь.

– Таково было мое условие до приезда сюда, но я не готова врать людям, с которыми собираюсь жить. Кроме того, ты упомянул о ненависти, питаемой твоими родственниками к Рочестерам. Мне кажется, что пункт о неприкосновенности неравноценен твоим требованиям.

– И чего ты хочешь?

Бел задумалась.

Один год. Ей нужен один год. И даже меньше, если суд состоится быстро или если эмбрионы не приживутся. Не вся жизнь. Не вечность. Флинн предлагает великолепное решение: когда она вернется домой, у нее на руках будут близнецы, рожденные в законном браке, что очень обрадует родителей.

Или она вернется одна, если проиграет дело в суде.

Более одинокая, чем раньше.

Бел уже наняла целый взвод лучших адвокатов, которые занимались ее делом и с которыми она держала связь по электронной почте. Все, что требовалось от нее в настоящий момент, – благополучно выносить детей в первом триместре. А это можно осуществить в любом месте земного шара.

Она немного расслабилась.

– Как только я придумаю, сразу сообщу. А пока давай договоримся, что ты задолжал мне выполнение одного требования.

Он невесело рассмеялся:

– Почему ты считаешь, что я соглашусь играть вслепую?

– Потому что ты можешь потерять больше, чем я. Я не знаю твою семью. Для меня не составит проблемы причинить им боль.

Грубо, но честно.

Он внимательно рассматривал Бел.

– Не понимаю, как мой брат ладил с тобой. Когда ты придешь ко мне со своей просьбой, Белинда, не забудь, что у тебя всего лишь один шанс.

Бел выпрямилась, оставив полупустую кружку с чаем.

– Хорошо. Я исполню роль Белинды Ключи, любительницы скачек и противницы контрацепции. Думаю, мы обсудили все детали предстоящего фарса. – Она понизила голос. – Но я отдаю себе отчет в том, что ложь служит прикрытием твоей неприглядной роли в этой игре. Судебное дело, угро-

зы, шантаж. Что скажет твоя семья, узнав об этом?

Его глаза заволокла печаль.

– Не думаю, что они ждут от меня чего-то другого. Даже не рассчитывай, что это станет твоим основным козырем.

«Не думаю, что они ждут от меня чего-то другого»...

Внезапная боль в его голосе заставила Бел задуматься. Видимо, не все прекрасно в поместье Брэдли. И хотя ей следовало размышлять о том, во что она ввязалась, в голове девушки крутились странные мысли по поводу того, что, возможно, не она одна жила изгоем в собственной семье.

И что она была не единственным человеком, стремящимся доказать свою состоятельность.

И как ни странно, Бел не вздрогнула, почувствовав его теплую ладонь у себя на спине, когда он пропускал ее вперед, выходя из кафе.

Глава 4

Белинда чувствовала себя не в своей тарелке, когда четыре часа спустя семейство Брэдли в полном составе собралось за ужином. Ее усадили на единственное свободное место – рядом с бабушкой Флинна, Элис. Учитывая тот факт, что присутствовало пять человек, а стол был рассчитан на шестерых, несложно было догадаться, чей стул заняла Бел. Сидя на месте, предназначенном для Дрю, она испытала неожиданное умиротворение. Словно он стоял сейчас сзади и пытался ободрить, положив руки на плечи.

– Ну, разве же это не прекрасно? – восторженно спросила Дениз Брэдли, улыбаясь. – Что тебе подсказывает твой организм, Белинда?

Девушка бросила взгляд на настенные часы, висящие над столом, сделала в уме беглые расчеты и ответила матери Флинна:

– Что все в порядке. У меня на родине сейчас время обеда. Флинн накладывал в свою тарелку разнообразные блюда, его примеру последовали и остальные, но Бел не спешила. Пожалуй, не стоило обвинять в отсутствии аппетита растущих внутри ее близнецов. Скорее это было связано с беспокойством, которое она испытывала. Родственники Флинна приняли Бел как долгожданного и более чем желанного гостя, не позволив и на миг усомниться в том, что ей рады.

И Бел обнаружила, что врать им будет намного сложнее, чем она предполагала изначально.

– У тебя большая семья, дорогая? – спросила бабушка Флинна.

– А... нет. Только я и моя... – Бел засомневалась, стоит ли посвящать хозяев в подробности своей родословной. Она закашлялась, чтобы оправдать паузу, и сделала глоток воды. Наконец девушка приняла твердое решение. – Две сестры и родители.

Честно говоря, она была готова ответить просто «две сестры», потому что родители большую часть времени проводили на званных ужинах и роскошных вечеринках.

Бел бросила взгляд на Флинна и заметила, как напряженно ходят его желваки, пока он накладывает в тарелку картофельное пюре. Видимо, он не ожидал, что вопросы о семье начнутся так скоро.

– Билл, пожалуйста, объясните, откуда появилось название вашего поместья, – обратилась она к отцу Флинна. – Что оно означает?

– Баньип – одно из самых известных мифических существ австралийских аборигенов, – начал свой рассказ Билл Брэдли, и Бел сразу поняла, что угодила в точку. Именно Билл был заядлым рассказчиком. Внезапно она представила, как он сидит перед камином с двумя мальчиками на коленях и рассказывает им сказки о баньипах и других сказочных существах.

– Все это чепуха, – встряла бабушка Флинна, – рассказы для туристов.

– Вы работаете с туристами?

– Мы построили несколько шале ближе к горам, – сообщил Билл. – Там ловят форель, поднимаются в горы. Экологические туры.

Бел вопросительно подняла брови и посмотрела на Флинна:

– Шале? Не может быть.

Она была готова убить Флинна. Все, чего она хотела, – свернуться калачиком в уютном кресле перед камином и посмотреть какую-нибудь мелодраму в тишине и спокойствии, а вместо этого вынуждена врать и изворачиваться на семейном ужине.

– В это время года они все заняты, – поспешил оправдаться Флинн.

Бел обратила внимание на то, что от присутствующих не ускользнуло напряжение, существующее между ними.

– О, я благодарна вам за гостеприимство. Я чувствую себя как дома.

– Мы очень рады тебе, Белинда. Просто все немного неожиданно. – Дениз бросила многозначительный взгляд на сына, который делал вид, что поглощен процессом поедания мяса.

– Прошу вас, называйте меня Бел. Мне так привычнее.

– Но Флинн не называет тебя так.

Удивленная Бел повернулась к Элис.

– Он называет тебя Белинда.

И в тот же момент Бел поняла, кто был настоящей хозяйкой в семье. Флинн не спешил отвечать на реплики мамы, но вопросы бабушки не оставлял без спокойных уважительных ответов.

– Только из-за того, что все остальные зовут ее Бел, – пояснил он.

Элис улыбнулась:

– Теперь понимаю. Очень мило. Это делает ее особенной.

– Ничего особенного, бабушка.

Элис повернулась к девушке:

– А ты как ласково зовешь Флинна, дорогая? Настал момент сладостной мести: за печаль, за злость, за оскорбленное самолюбие. Бел не могла упустить подобный шанс.

– Ну, сначала я называла его мистер Много-шума-из-ничего.

Флинн чуть не подавился горошком.

– Но ему это не особо понравилось. Поэтому я перешла на прозвище Флинн-Павлин и наконец остановилась на Мармеладном Зайце.

Все члены семьи разразились неудержимым хохотом. У Билла Брэдли изо рта выпало несколько кусочков картошки. Это было не очень приятно.

Но так чудесно!

За столом в семействе Рочестеров никогда не смеялись.

Только они с сестрой иногда хихикали, за что тут же изгонялись из столовой.

Итак, Бел сидела на месте Дрю и смотрела на Флинна с улыбкой триумфатора.

Он единственный не улыбался.

Когда он заговорил, его голос прозвучал нежно и сексуально, заставив ее почувствовать, что в животе порхают бабочки.

– Белинда, ты совсем не ешь.

Как он и рассчитывал, все сразу переключили внимание на нее, и обе женщины, следуя материнскому инстинкту, принялись наполнять тарелку Бел овощами, кусочками жареного и ломтиками свежее испеченного домашнего хлеба. Девушка попыталась объяснить, что не голодна, но количество еды на тарелке продолжало расти, и, переведя взгляд на Флинна, она впервые заметила на его лице улыбку.

Совсем незаметную.

Отлично, она принимает правила. Внезапно Бел ощутила азарт.

Игра началась, Мармеладный Заяц.

– Прошу меня извинить. – Флинн очень торопился и чуть не уронил вилку в мусорное ведро, когда сбрасывал с тарелки остатки еды, но он не мог позволить Бел закончить ужин первой. Ему нужно было время, чтобы все обдумать. – Я собираюсь проверить утконосов.

– Утконосов? – переспросила удивленная Бел.

– Это такое животное, дорогая. Никогда не слышала? – сказала бабушка.

Флинн через кухню вышел на свежий воздух.

– Слышала, но считала, что они так же неправдоподобны, как баньпы.

Брэдли снова рассмеялись, а отец ответил:

– Нет, утконосы реальны. Хотя такие же странные, как мифические существа.

Флинн захлопнул за собой кухонную дверь и больше не слышал речь Белинды, слишком длинные гласные которой дразнили его слух. Ее манера говорить была очень схожа с манерой сестры. Неужели никто не заметил этого?

Он считал, что все сразу проявят враждебность по отношению к ней, как только она произнесет первые слова. Но Белинда очаровала их, поддерживая шутливый разговор и громко смеясь над шутками папы. Она не была похожа на свою сестру, с ее постоянной высокомерной улыбкой, которая сильно обидела всех в тот единственный раз, когда Гвен приезжала в гости.

Когда отец испачкал стол кусочками еды, вылетевшими из рта, сердце Флинна ушло в пятки.

Но ему пришлось признать, что она повела себя довольно странно. Ей это даже понравилось. Несмотря на то что ее нервы были напряжены до предела, она прекрасно вписалась в семью Брэдли.

Это казалось нереальным.

В их семье нет места для Белинды Рочестер. Флинн чуть не сошел с ума, увидев ее сидящей на стуле Дрю. Он сразу вспомнил, что они потеряли его задолго до гибели. И не важно, что Эндрю сам уехал от них. Виноваты были Рочестеры.

Дрю явно лебезил перед сестрой Белинды после того, как совершенно неожиданно женился на ней во время отпуска на острове Корфу, лишив мать счастливой возможности присутствовать на свадьбе любимого сына. Мама тщательно скрывала свою боль, но после десяти минут общения с Гвен Рочестер ни у кого не осталось сомнений насчет истинного положения вещей. Дрю заявил, что причина, по которой они поженились так быстро и втайне от всех, заключалась в том, что они не хотели пышного торжества. Однако Флинн и его родственники предполагали, что Дрю был против встречи двух семейств.

А теперь в их дом проникла замаскировавшаяся Рочестер. Какая ирония судьбы!

Флинн медленно прошел к ручью и остановился, чтобы вдохнуть прохладный свежий воздух. Ему требовалось немного расслабиться, потому что утконосы – очень чувствительные существа и сразу почувствуют негативную энергию, исходящую от него.

Он опустился на скамью и закрыл глаза.

Они с Белиндой врали, но это была ложь во спасение.

Странно, но он никогда не видел, чтобы человек оживал

прямо на глазах, как это произошло с Белиндой. Он до сих пор видел перед собой ее потухший равнодушный взгляд в больнице и во время путешествия на самолете. А теперь, когда Флинн увидел ее с легким макияжем, когда увидел ее милую улыбку... Он был очень удивлен, что его тело отреагировало, как только она начала дразнить его за ужином, придумывая глупые прозвища. Белинда притягивала его к себе, и он поспешил сбежать.

Из-за облаков показалась луна, посеребрившая ручей. Стало светлее, и Флинн заметил, как по мелководью к нему приближаются две маленькие фигурки. Этот утконос и его самка свили гнездо за пределами поместья, но частенько навевывались к водоемам в Баньип-Рич, где искали пищу.

– Эй!

Животные моментально исчезли, как только появилась Белинда, освещающая себе путь фонарем. Кончилось его одиночество.

– Твоя бабушка предложила мне присоединиться к тебе. Посмотреть утконосов.

Так он и думал.

Обмануть Элис будет непросто. В течение многих лет она убеждала внука найти хорошую девушку и остепениться. И теперь бабуля сделает все, чтобы ее план осуществился, – с помощью Белинды. И поскольку девушка смеялась над старомодными шутками Билла Брэдли, она сразу победила в конкурсе на звание идеальной жены для внука.

«Пока они не узнали правду», – подсказал внутренний голос.

– Видимо, они хотят, чтобы мы побыли одни, – сказала Бел.

– Даже не сомневайся.

Через несколько секунд она произнесла:

– Может, нам стоит решиться на совместное проживание, чтобы им не приходилось постоянно вмешиваться в ситуацию?

Флинн не желал видеть Белинду разумной и сообразительной. Он предпочел бы, чтобы она оставалась глупой и раздражительной. И конечно, он совсем не желал проводить с ней время наедине.

– Ты можешь приходить ко мне в гости и оставаться там, пока я работаю. Все будут думать, что мы вместе.

– А я ничем не могу... помочь?

– Держись от меня подальше. Это главное.

Девушка выдержала удар, переведя взгляд на серебристую воду, а затем снова взглянув на него.

– Я быстро соскучусь, ничего не делая, и стану беспокоиться. А когда я беспокоюсь, то всех достаю, – улыбнулась она.

– А я считал, что ничегонеделание – любимое занятие Рочестеров.

– Почему? – спросила Бел. – Разве Гвен вам не помогала?

– Нет. И не оставляла времени Дрю делать это.

– Неудивительно. У них был тогда медовый месяц.

– Теоретически у нас с тобой тоже.

– Но ведь должно быть что-то, с чем я справлюсь. Я не люблю бездельничать.

– Но ты никогда не работала.

– Потому что мне не надо зарабатывать на жизнь. Но это не значит, что я не хочу.

– Работа на ферме совсем не похожа на шитье одеял для бедных детей из Африки, или посещение благотворительных аукционов, или... – Флинн пытался придумать, какие еще причуды бывают у богатых.

Она посмотрела на него, как на безумца:

– Я не умею шить и ненавижу толпы людей.

Он вздохнул:

– Поговори с бабушкой. У нее всегда что-нибудь найдется. Я уверен, она не упустит возможности расспросить тебя о деталях нашего знакомства.

– Понятно, не лучшая идея.

Флинн пожал плечами:

– Мне показалось, тебе понравилась игра за ужином.

– Ты это заслужил. Бросив меня на произвол судьбы. Если бы я не знала ситуацию, решила бы, что ты хочешь моего проигрыша.

Она говорила прямолинейно. Как Дрю.

– Я не хочу твоего проигрыша. Я вообще не хочу игр.

– Тогда не провоцируй меня. И вообще, почему ты сидел

за столом мрачнее тучи? Как они поверят нам, если ты едва смотришь в мою сторону?

– Мне показалось, что для тебя игра не составляет труда.

– Все дело в практике, – бросила Бел.

– О чем ты говоришь?

Она посмотрела на руки, собираясь с мыслями:

– В моей семье принято постоянно заботиться о внешнем лоске. Мы с раннего детства должны были выглядеть блестяще и счастливо. Ты много знаешь блестящих счастливых подростков? Я очень рано научилась создавать видимость.

Почему она рассказывает об этом ему? Тень печали, промелькнувшая на ее лице, отозвалась болью в груди Флинна. Он знал, о чем идет речь. Ему тоже приходилось испытывать тоску.

– А твоя сестра?

– Гвен была другая. Она больше подходила под стандарты. Ей не приходилось особо притворяться.

Неужели она наконец готова признать, что Гвен была истинной последовательницей своих родителей?

– Мне странно, что вы хорошо ладили, будучи такими разными, – заметил Флинн.

– Гвен было легко любить, – тихо проговорила Бел. – Возможно, поэтому мы с Дрю нашли общий язык. У нас обоих была Гвен.

– А теперь?

Она посмотрела на журчащий ручей, затем перевела

взгляд на живот:

– А теперь мне нужно воспитать новое поколение Рочестеров. И если они будут похожи на своих родителей, я буду счастлива.

Если у нее будет право воспитывать их.

– Ты собираешься воспитать их, как сделали бы это Гвен и Дрю, и не хочешь, чтобы они были похожи на тебя?

Бел подняла голову:

– Ни за что. Я добивалась подсадки не для этого.

Флинн придвинулся к ней:

– Зачем это все, Белинда?

– Потому что у них есть полное право остаться в семье. Остаться вместе. Они – Рочестеры.

– И Брэдли.

– Верно. Но еще неделю назад я ничего о вас не знала. Дрю говорил, что его изгнали из семьи.

Флинн возмущенно поджал губы.

– Что случилось между вами, ребята? – рискнула спросить Бел. – Почему он уехал?

– Из-за твоей сестры. – Он ответил слишком быстро. И неуклюже.

– Но они встретились в Лондоне после того, как он туда перебрался.

– Для сотрудников банка в Обероне работы нет.

– Сидней не так далеко.

– Жажда приключений? – предположил Флинн.

– Возможно. Но здесь есть что-то еще. Гвен была не из тех, кто готов отдать королевство без боя.

– Королевство? – поразился он.

Бел окинула взглядом величественные зеленые просторы:

– Все это. Твою семью.

Неужели она именно так представляет себе настоящую семью? Нет, он не поддастся желанию изменить отношение к ней.

– Может, ты заблуждалась на ее счет?

– Я познакомилась с твоей семьей и не верю, что они плохо приняли Гвен. Она повела себя ужасно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.